СТРАСТИ ПО ВАРВАРЕ, ЕЛЕНЕ И ДРУГИМ, ЧУТЬ ПОСТАРШЕ

Что исцелится наваяния, то должен сознаться: я его, мягко говоря, позамистовал. Прибавляя кое-что от себя, конечно, но суть дела от этого не меняется. «Страсти по Варваре» — так называется «киновещая мелодрама» Ольги Павловой, которую поставил Олег Табаков у себя на выпускном курсе ГИТИСа, который постепенно переправился в театр-студию, приметный в Москве. Почему я называю это несколько удлинённым Петровым, что существует нечто общее, как мне показало, в тех историях, которые я видел в других театрах.

Они могут показаться грустными, даже странными, но если учесть, что одной героине пятнадцать лет, второй — семнадцать, а третьей — восемнадцать, то все станет понятным. Начало жизни. Оно может быть разным.

Существует такая точная арена: зачем-де показывать на сцене сложные судьбы, душевные травмы? Но разве врач не обязан сделать все от него зависящее, чтобы вылечить больного? Когда в Греции я увидел сокращившийся фундамент лаборатории Гиппократова, я был поражен: сложная ситуация, которую мы привыкли полагать для музыкантов, с другой — амфитеатр древнего театра.

Сложные судьбы возникают на сцене не для подражания, а для очищения.

Теперь о Варваре: сначала на маленьком и в этот раз вполне традиционно оборудованной сцене (студия не дойти в через такой опыт) звучит большой фрагмент из симфонии Моцарта: позывные юности, какой она может быть. Потом Моцарт будет звучать в какой-то иной, плывущей инструментальной, близкой к тем дискам, что приносит пятнадцатилетней подружке Варваре ее зарплата и красивая подруга (у нее своя судьба, весьма современно воплощенная Еленой Майвровой). Что же их объединяет? Как оно странно — одиночество. Но как же так? У Вари есть мать, медсестра, мечтавшая стать пианисткой. Правда, у той нет свободной минуты — все «на ней», все «на ней» — и все же... Мухом побег все же тотому назад, ей одиноко: нужнее она не имеет права на свою женскую жизнь, в конце концов, и она нетерпеливо ждет телефонского звонка какому-то лысенькому кавалеру, иногда не по чужу дома, когда у нее нет девушки.

О, эти милые, одинокие, усталые, чуть уводящие женщины, что бросаются к телефону, едва только он зазвонит! Этим живым и героиней актрисы театра «Современник» Людмила Крыловой, принимающей участие в этом спектакле. Все это как-то удивительно целомудренно, в новом для себя характере, душевным, мягким, прощальным, сыграла в другом спектакле — «Сны» — отсутствующая любовь и смерть Э. Радзинского в Московском театре им. Вл. Маяковского — Татьяна Доронина.

Ну а Варя? Лариса Кузнецова, играющая Варю, показывает нас с существом бутылочным, жестоком и нежным, что безумно любит мать, но подчас ее ненавидит. Она помнит отца и то, как однажды в поле он встал с собой на коня и она мчалась сквозь ветер. И после всего этого встречается с этим «типом!» Без любви («И устанавливает ее одну, всегда одну...») Варя переполняет любовью. Хотя у нее известно нет, она выдумывает «замысловатую историю» о том, как она в восьмилетнем корпоре летела, летела к «нему», была свободна, и как все это разбилось... У ее мамы, как она сама говорит, абсолютный слух, но голос и ощущение жизни дочери так услышала лишь в последнюю минуту. Конечно же, Ольга Павлова написала не «киновещую мелодраму» (это так — скандинав на возраст героини), а истинную драму молодой ду-

ши, что, к счастью, хорошо кончается.

Но вот Э. Радзинский по-нахально завершил свою пьесу «Она в отсутствии любви и смерти» по-новому: пона Ова, едва проснувшись, записывала на магнитофон свои признания любимому, ждала его часами на подоконнике, выжидая, когда можно и когда нельзя, в его жизнь и снова исчезала — идущий по ней некий «труп» в розовых джинсах вместе со своим приятелем доводил жалкого, сонного человека, с которым она почему-то затеяла свою любовную игру, до смертельного сердечного приступа. Отсутствие любви было очевидно, но смерть уже вошла

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

в ее жизнь. Однако здесь возникло некое недоумение: Евгения Симонюк, играющая Ее, предстает со сцены настолько чистым, прелестным существом, что не смотря на ее нравственное преступление, несмотря на реплики о ее жестокости, многие уходили из театра, уверяя в том, что она некая современная «фея», обладающая талантом жизни. Театр попытался уточнить авторские намерения. Я смотрел спектакль дважды: во второй редакции нового для Москвы я, как мне кажется, привлекательнее к себе внимание режиссера В. Портонова все кончается хорошо. Она в заключительной реплике говорит, что всех любит, и все говорит, что любит Ее. Смерть ушла. Теперь театр настаивает не на «отсутствии», а на присутствии любви. Но характер написан, хотя и неочевидно, и я покинул театр, думая о жестоких играх, которые в любом возрасте мало эпатируют. Сейчас спектакль В. Портонова в другом случае звучит как вторжение чего-то необыкновенного (Она!) в обыденность, а это, что не говоря, все-таки далеко аж Александру Грину и посему неминимум вторично...

Было сказано о жестоких играх. «Жесткие игры» — так и называется пьеса А. Арбузова, поставленная М. Захаровым и Ю. Махалевым в Московском театре им. Ленинского комсомола. А. Арбузов — драматург, при всей его кажущейся ясности, становится. Одним из представляется мало эпатирующим, другим — автором мелодрам. А на самом деле он говорит о весьма серьезных вещах в жизни, только надо уметь найти ключи к его театру — реальному и фантастическому.

Помню, что в последние годы это удалось сделать в полной мере лишь Анатолию Эфросу в «Счастливых днях несчастливого человека».

Кто-то говорит, что спектакль М. Захарова слышим «современ». Ну и что же? Разве композиторы (профессия весьма близкая к режиссуре) не близка к созданию «современных», что не мешает их музыке рождаться из сердца, из жизни. Кому-то кажется не слишком удачной «сибирская» часть драмы. Мне тоже, особенно смутно прописанная «сюжет» доктор Земцово и его жены (хотя Н. Караченцов в своем Милке Земцово по-прежнему зарыватель, но все-таки — по-прежнему!). Однако история о том, как добродушное дерево на каменной почве обстоит, с трудом, но все же побеждает, кажется мне вполне доказательной и насущной.

«О чем ты думаешь больше всего?» — спрашивает кто-то в драме Арбузова. «О добре». Так мог бы ответить сам автор.

Спектакль Марка Захарова начинается резко: неприкаянный парень в черном свитере слоняется в темноте по сцене, выхватывает что-то в глубине ее, и сразу же втягивает вращаться под жесткую музыку, среди плывущих потешных огней, громадный металлический колесо, ва-

поминающее аттракцион в веселящем парке. Что случилось? Почему колесо? Но ведь начинаются игры, жестокие игры. И потом — колесо жизни и смерти, если хотите. Жаль, что потом оно почти не участвует в пьесе. На одном из первых спектаклей я видел, как оно медленно тащило за собой в воблоте лучшего из персонажей драмы, и тогда понимал, как оно важно для режиссера.

А Арбузов по-прежнему остро следит за тем, что может помешать молодости в самом начале ее пути. Когда-то он написал «Шестеро любимых». В «Жестких играх» их примерно столько же. Он хорошо знает лексику молодых восьмидесятых годов, как знал когда-то и тридцатых. Он выслушивает причины некоторых «заблуждений». Ритм летящего времени часто рвет сегодня родственность самых благополучных семей — некогда! Некогда! Взрослые дети достаточно обеспечены родителями, но семье некогда порой собраться вместе даже за обеденным столом, некогда увидеть, что у кого «болит». Если они не находят других здоровых контактов, то здесь-то и рождаются душевная ранимость и пустота, которую надо чем-то заполнить. Выбывает и другое: любви, они судят своих матерей и отцов за то, что они обделили их детством, а те ужасаются жестоко суровому поведению своих повзрослевших детей. Это не «конфликт поколений» — это ритм жизни, рожденный порою дефицит общения...

Трое молодых собираются в опроверг, тулой китире. Как о одного из молодых живописца бросается выстул в знак странного протеста против того, что его мать уехала с отчимом, оставив его в тот момент, когда она была так ему нужна. Она ему пишет короткие послания, впечатанные на машинке. Ему, на машинке, когда он так любил ее написанные от руки письма! Легкая «тея Гамлета» витает над его бедою. Двое других: баловень семьи Никита, балансирующий между победами на математических олимпиадах, толпами поклонники и признаниями розгвардьями, и вчерашний товарищ, но вчерашний Терентий по прозвищу «Опенок», что не может простить своего отца, побывавшего в водке и свой дом, и свою жену. Это уже не игра. Это действительно жестокая история серьезно рассказанная артистами Ю. Зайцевым и В. Никитиным.

Пытаются ли эти юноши сопротивляться обстоятельствам? Нет, они капитулируют: Никити Ю. Астафьева бросил институт, пишет на своих полотнах непрерывный невнятный дождь и мучает натурщик в кофрательном; друг Никита продолжает прерывать жизнь в игру. В эту игру везливо входит существо истинно «арбузовское». Сама того не думая, и больше того, неутрачивая на самой себе ни минуты безудного романа, делущий странным образом напоминает всем, что «любимую не шутят». Здесь начинаются «страсти по Елене», хотя она почему-то выдумала себе, как ей кажется, более эффектное имя Нелю. (Странно, что во всех пьесах, о которых шла речь, у героинь возникают все новые имена: Варвару оказывается Авророй. Она из пьесы Э. Радзинского — сначала выдуманной Натальей, а потом просто Галей. Эта смена имен, вероятно, тоже своего рода знак неуточности характера, его «стекучести». Нелю входит в пьесу с отчаянной неприязнью: ни родителей, ни друзей, ни любви. Так уж вышло: ее примет настояроженно, неохотно, и ей придет новая любовь — это будет Никита, тот счастливец, «обученчик», как звали его Нелю, которого играет А. Абдулов, соединяя

эксцентриаду с несколько кокетливой простотой. Но это тоже будут жестокие игры, в потрясенная Нелю исчезает, покинет унылое «братство».

И тогда, как это часто бывает у Арбузова, жизнь всей компании покажется им самим особенно тусклой, и она все время будет вслушиваться и искать этот шепчущий звук, это грустное и веселое эхо — Нелю, Лена, прекрасная Елена, что как «инопланетянка» поселила их жизнь, чтобы улететь и оставить по себе эту бесполойную нелю. А потом снова вернуться. Все это время она работала медсестрой в Сибири.

Роль Нелю стала дебютом в театре Татьяны Догалевой. Одаренность ее очевидна. В ее «гороскопе» и вижу счастливицу — актерскую судьбу, если-бы сама себе ее не испортила. Она зарывательна и когда плачет, и когда смеется. Несмотря на все ее «хощения по мухам», она сохраняет нравственные здоровье и стойкость. Иногда за этим мелькает чуждое роли благополучие. И еще, мне кажется, ей стоит помнить, что фантазия ее — не просто выдумка и неправда, а воображение, ибо она — художник!

Кончая статью, я заглянул в ее начало. «Страсти по Варваре, Елене и другим, чуть постарше». Варвара — Аврора — зоря... И я вспомнил «А зори здесь тихие...» и святых зенитчик, что погибли в этой повести, перенесенной на экран и в спектакле. Ю. Либманова перед залом, несущим им габель, на секунду вслушивалось из прошлого, мирная жизнь — в ней тоже не все было просто. «Солдатами не рождаются». И я подумал: а смогла бы, скажем, такие девушки, как Нелю, и Варя, и Оля Солдатов, которую и спелание Галины Болдыревой «Слепая» делала добром М. Ромина, поразительно сыграла М. Нелюва. — могла бы они присоединиться, если бы пришлось, к отряду своих бессмертных подруг? Я уверен — смогла!

Однако «жесткие игры» еще не закончены. Наступает финал. Думаю, что то, что сделал в нем М. Захаров, не только заканчивает, но и продолжает пьесу в истинно арбузовском духе.

Когда-то в Сибири Нелю рассказывает своему другу: «Знаете, Мама, я с детства безумно радовалась хотела: чтобы погода была хорошая и поводом музыка играла фестивали шли и шествия». Когда Нелю и Никита остались одни на сцене, режиссер подарил им этот праздник. Перед ними случайно оказались гримировальные краски, так как «Опенок» тотоялся к вечеру в клубе. И вот нежданно Никита на нас наклон на лицо Нелю, а она нарисовала ему улыбку, и они стали гримироваться под клоунов, а потом к ним присоединилось шестие всех остальных — кто привалял себе бороду, а кто раздобыл нарвавшийся праздничный парад, и все играла на разных инструментах — на трубе, на дудочках, а Нелю и Никита тренькали на пианино. И елка сверлила серебряными нитями, и это не только был день рождения Никиты, это был день рождения Нелю, а нес — персонаж спектакля. А потом все побегало наверх, куда-то под потолок, и это было так понятно, ибо известно, что влюбленные лучше всего чувствуют себя именно там.

Подождале, но ведь это была тоже игра? Конечно, но это была добрая игра, бескорыстная, прекрасная. Это был праздник людей, в душе которых явдут зауучала музыка. А ведь, собственно говоря, и смысл-то всего в том, чтобы музыка, живущая в сердце человека, обязательно зазвучала.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель искусства РСФСР.